

ИСТОРИЯ НАРОДОВ РОССИИ

ПЕРЕПИСИ ЯСАЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII В. (новые материалы)

А.Ю. Конев

Филиал «Тобольский индустриальный институт»
Тюменский государственный нефтегазовый университет
зона вузов № 5, Тобольск, Россия, 626158

В статье исследуются формы и методы учета ясакоплательщиков из числа коренных народов Сибири, прослеживаются моменты принципиальных изменений в ясачной политике государства, обусловленные процессом углубляющейся интеграции сибирских «иноземцев» в социально-экономическую систему Российской империи. Впервые, на основе анализа архивных материалов, реконструируются события, связанные с попыткой проведения крупномасштабной переписи ясачного населения региона, предпринятой в 1746—1753 гг. Автор приходит к выводу о том, что именно это мероприятие способствовало выработке основополагающих идей, которыми впоследствии руководствовались правительство Екатерины II при проведении первой ясачной реформы 1763—1769 гг.

Ключевые слова: коренные народы Сибири, присоединение, ясак, политика государства, переписи населения.

Отличительной особенностью податного статуса аборигенов Сибири в конце XVI—XIX вв. была специфическая форма их финансово-экономических отношений с государством, выразившаяся в уплате ясака, сначала исключительно в натуральной, затем — в денежной форме.

Вопросы ясачного обложения привлекают особое внимание сибиреведов, занимающихся изучением политики царского правительства в отношении коренных народов Сибири.

В отечественной историографии утвердился взгляд на ясак, прежде всего, как на форму экономической и классовой эксплуатации, что до известной степени ограничивает применявшиеся до сих пор исследовательские подходы к анализу данного института. При этом в литературе по-разному оцениваются мероприятия государства в сфере правового регулирования ясачного сбора применительно к рассматриваемому периоду. Л.М. Дамешек, например, считает, что до середины XVIII в. этот сбор «никак не регламентировался и фактически был пущен на произвол местных властей». Вследствие этого, считает он, возникала масса злоупотреблений и хищническое истребление пушных богатств края (1).

М.М. Федоров, напротив, полагает, что именно правовые акты XVII в. обусловили «хищническое потребление пушного богатства» и «создали благоприятные правовые возможности» для злоупотреблений на местах (2). Признавая определенное регламентирующее воздействие законодательства первой половины XVIII в., М.М. Федоров не считает его эффективным, так как оно не нарушало установившегося принципа невмешательства во внутренние общественные отношения ясачных. Первые серьезные меры по упорядочению сбора ясака оба исследователя связывают с деятельностью комиссии Щербачева 1763 г.

А вот Н.А. Миненко, на материалах Северо-Западной Сибири, пришла к выводу о том, что после переписи 1763 г. в ясачном сборе здесь не произошло, по существу, никакой серьезной перестройки. Она соглашается с заключением, сделанным еще М.М. Сперанским, о том, что первая ясачная комиссия лишь «привела в ясность» старые положения, введя некоторые частные новшества (3), в числе которых ею называется отмена изжившего себя аманатства и отмена неокладного ясака для самоедов и обдорских остяков.

Интересно также отметить, что Н.А. Миненко и М.М. Федоров обратили внимание на деятельность подкомиссии И. Данилова, созданной при Сибирском приказе в период деятельности Комиссии по разработке проекта нового Уложения, сформированной правительством Елизаветы Петровны в 1754 г. Предметом подкомиссии была разработка нового положения о ясачном сборе. Но, как известно, работа Уложенной Комиссии 1754 г. не увенчалась успехом. Любопытно, что с неудовлетворительными результатами работы И. Данилова Н.А. Миненко связывает отправку в Сибирь комиссии Щербачева (4). М.М. Федоров такой непосредственной связи не устанавливает, а отмечает, что в результате деятельности другой подкомиссии, работавшей при Коллегии иностранных дел, были составлены «Пункты до иноземцев и инородцев». Текста «пунктов» обнаружить не удалось, но, по его мнению, это был первый опыт разработки специального «правового положения» о ясачных подданных (5).

Краткий историографический экскурс позволяет заключить, что вопрос о государственно-правовом регулировании ясачного сбора применительно к первой половине XVIII в. остается дискуссионным и требует дальнейшего изучения. В работах всех исследователей, занимавшихся ясачной тематикой, отмечается, что одной из наиболее серьезных проблем на протяжении многих десятилетий для царского фиска был вопрос учета числа ясачных людей.

Автором настоящей статьи предпринята попытка проследить, как совершенствовалась на протяжении первой половины XVIII столетия система податного обложения и учета «ясачных» в Сибири. Задача решается на основе обобщения результатов исследований предшественников и привлечения малоизвестных архивных материалов из фондов Российского государственного архива древних актов (далее — РГАДА).

Известно, что в конце XVI—XVII в. повсеместно в Сибири ясак сохранял характерные черты дани, которой покоренные народы обязывались правительству метрополии.

Выражалось это в методах сбора и принципах ясачного обложения, а юридически закреплялось процедурой шертования и клаузулой «жалованного слова», содержащейся в наказах сибирским воеводам (6).

Следует подчеркнуть, что в этот период, когда многочисленные родоплеменные группировки аборигенного населения еще не укрепились окончательно в русском подданстве, когда лидеры прежних «княжеств» и тому подобных раннеполитических объединений сохраняли часть своих владельческих прав и нередко чинили «шатость» и «измену», ясак обуславливал не столько экономическую, сколько политическую зависимость «ясачных иноземцев» от русской короны.

В Сибири к началу XVIII в. практиковались различные формы и методы обложения и сбора ясака, отсутствовали строго определенные нормы ясачного оклада. Существовал ясак неокладной «кто сколько поволно даст» и окладной — фиксированный по норме с рода (волости) или отдельных плательщиков (7).

Учет ясакоплательщиков велся на местах воеводами и их агентами в форме «зборных» или окладных ясачных книг, куда заносились, чаще всего со слов волостных «князцов», шуленг и старшин, имена способных к промыслу зверя мужчин, а также указывалось количество и качество взятого ясака.

В процессе замирения «иноземцев», в результате интеграции их потестарных институтов и форм социальной организации в создающуюся на новых территориях административную систему, по мере превращения «ясачных иноземцев» в «верноподданных иноверцев», меняется характер ясачной подати. Несмотря на сохраняющиеся до половины XVIII в. пережиточные формы (аманатство-заложничество, институт ясачных сборщиков), ясак из атрибута даннической зависимости превращается в специфическую форму натурального налога в пользу государства.

Л.М. Дамешек отмечает, что в ясаке в XVIII в. неразрывно слиты государственная подать и феодальная рента (8). Сущность этой недифференцированной ренты-налога в рассматриваемый период заключалась в экономической зависимости ясакоплательщика от верховного собственника земли — государства. Другими словами, аборигены вносили ясак за право обитать и промышлять на государевой земле.

В петровскую эпоху стремление к достижению «общего блага» становится основной руководящей идеей государственной политики (9). В соответствии с этим и монарх, и все подданные должны были действовать в интересах «общей народной пользы». Выполнение служебных и податных обязанностей высшими и низшими классами общества стало рассматриваться властью в качестве важнейшего фактора обеспечения благополучия государства. Естественно, что ясачное население империи не могло оставаться вне рамок этой концепции.

В 1720 г. в связи с первой общероссийской ревизией в ряде уездов Сибири была проведена подушная перепись не только русского, но и ясачного населения.

Соответствующим указом предписывалось зафиксировать русских людей и ясачных иноземцев обою пола от младенцев до престарелых и сообщить, кто какими угодьями владеет и какие подати платит. А.Н. Копылов, исследовавший

ход и результаты этой переписи у ясачных Томского уезда, отмечает, «что фактически плательщиков и, следовательно, сбора с них ясака» оказалось «значительно больше, чем значилось по окладным ясачным книгам» (10).

Эти действия, направленные, казалось бы, лишь на уточнение числа плательщиков ясака и приращение «казне дохода», свидетельствовали о более глубоком процессе. По сути, в 20-х гг. XVIII в. была предпринята попытка включить часть ясачных в состав формирующегося крестьянского сословия, распространить на них новые формы податной и личной регистрации в виде подворных и подушных переписей, а затем и новые нормы подушного обложения. На это указывает и содержание некоторых статей «Плаката о сборе подушном» 1724 г., в п. 18 этого правового акта дословно сказано: «Понеже на однодворцев... на татар и ясашных, и на пашенных... и на других им подобных государственных крестьян... на тех положено сверх настоящего подушного сбора... еще по четыре гривны с души» (11).

Вместе с тем особым «Реэстром» Плаката исключались из подушного сбора астраханские и уфимские татары, башкиры и сибирские ясачные иноверцы, «которых переписывать и на полки раскладывать не велено». Таким образом, было определено, что эта часть ясачного населения России не подлежала ревизскому учету с целью подушного обложения.

Какое-то время еще оставалось неопределенным положение новокрещенных из числа сибирских иноверцев. Правило, по которому в XVII столетии воспринявшие христианскую веру «ясачные иноземцы» исключались из ясачного оклада и переходили, чаще всего, в категорию служилых людей, прекратило в 1703 г. свое действие. Взгляд на крестившихся по православному обряду как на подданных, отличавшихся по своему статусу, в том числе обязанностями, от остальных ясачных, сохранялся, а вот специфическая форма налогообложения при этом не отменялась.

В первые годы сибирского губернаторства (1719—1720) А.М. Черкасского с них попытались взыскивать ясак в размере, соответствовавшем в денежном выражении податному обложению сибирских крестьян (12).

Военный ревизор князь И.В. Солнцев-Засекин, проводя в 1722 г. проверку итогов первой подушной переписи в Сибири, воспользовался юридической неопределенностью положения новокрещенных и показал их как неучтенную категорию населения. В результате сложилась парадоксальная ситуация, когда несколько тысяч недавно крестившихся иноверцев, оставаясь в ясачном окладе, принуждались еще и к уплате подушного сбора. Правящий должность сибирского архиерея схимонах Феодор (Филофей Лещинский), к тому времени известный своей миссионерской деятельностью, опротестовал действия переписчика Солнцева, включившего новокрещенных в подушную перепись. Указ Сената от 26 марта 1726 г., явившийся, по сути, ответом на обращение схимонаха Феодора, окончательно разъяснил, что подушному обложению не подлежат все категории сибирского ясачного населения — и крещеные и некрещеные, а полагалось «брать с них ясак по-прежнему» (13).

Итак, к 30-м гг. XVIII столетия правительство наконец-таки решило, что распространение на народы Сибири новых принципов и форм налогообложения

и связанной с этим практики ревизских переписей является преждевременной мерой.

Тем не менее, подушная реформа, по мнению А.Н. Копылова, сказалась все же на практике взимания ясака в Сибири. Именно с ней он связывает решительные шаги в сторону утверждения поголовного принципа взятия ясака, который в различных районах Сибири до первых десятилетий XVIII в. сочетался с породным принципом (14). Н.А. Миненко, подробно изучившая сложившийся в первой половине XVIII столетия порядок ясачного сбора на севере Западной Сибири, так же отмечает, ссылаясь на сообщение березовского воеводы Степана Демьянова, что ясачный сбор осуществляется «ис прежних лет с **каждого человека** (выделено мной — *А.К.*) по расположению тех волостей князцов обще с посланными для сбора того ясака... зборщиками» (15).

Несмотря на все особенности социального и правового положения ясачных народов Сибири, логика построения регулярного государства требовала организации постоянного и максимально полного учета ясачных людей. С решения этой задачи начал свою деятельность вновь учрежденный Сибирский приказ.

По инициативе этого учреждения в 1731—1732 гг. было указано в Сибирскую губернскую и Иркутскую провинциальные канцелярии «сочинить ясачным иноземцам... окладные новые книги, выключая дряхлых, старых и зело убогих, а на место их включить подрослых» (16). К сожалению, материалы этого «свидетельства ясачных душ» не сохранились ввиду того, что погибли в пожаре 1737 г. Тем не менее, насколько можно судить, они не удовлетворили Сибирский приказ. Важно было не только как можно полнее учесть всех лиц, подлежащих ясачному обложению, но и определить адекватный для данной местности размер ясачного сбора с учетом качества и количества обитающего там ценного зверя.

В 1746 г. была предпринята новая перепись. Документальные свидетельства об основных этапах и результатах ее проведения сохранились в деле «О составлении проекта положения о сборе ясака» (датировано 1755 г.). В этом деле содержится «Экстракт» из имевшихся в Сибирском приказе «прежних лет наказов, указов и определений» по вопросам ясачного сбора, составленный комиссией Ивана Данилова. Внимательный разбор этих самых выписок из указов, а также отписок с мест, позволил автору статьи проследить основные моменты в истории самой масштабной к тому времени переписи ясачных людей в Сибири, проводившейся по инициативе центральных учреждений.

В указе от 26 июня 1746 г. из Сибирского приказа в Сибирскую губернскую канцелярию содержались уточнения относительно вновь организованного свидетельства ясачных людей. В нем сообщалось о том, что для производства переписи в волостях Тобольской провинции был отправлен тобольский дворянин Петр Ушаков «с командою», которому дана особая инструкция.

Губернской канцелярии предписывалось послать ясашным князцам и есаулам указы, которыми объявить «чтоб они вышеозначенному Ушакову, как о себе, так и о старых, дряхлых и неимущих, також умерших и вновь подрослых, так же и пришедших к ним из других волостей объявляли по силе данного князьям Чер-

касским наказу... без всякой утайки... не боясь никакого себе в том отягощения и возвышения в ясаке, ибо та перепись по силе Высочайших Ея Императорского Величества указов чинится, токмо для ведома и положения их по наличеству людей в оклад» (17). В декабре 1747 г. была назначена особая команда для свидетельства ясачных душ в Иркутской провинции. Ее возглавил Турчанинов (18).

Для анализа сложившейся ситуации с ясачным сбором, в которой назревали кризисные моменты, Сибирский приказ стремился собрать на местах возможно более полную и разнообразную информацию. В переписных ведомостях необходимо было указать не только число ясакоплательщиков по родам и волостям, но и сколько «в которой волости по прежней переписи было душ» и сколько «против той переписи прибыло и убыло». Выясняя изменения в составе плательщиков, следовало узнать не только число «подростлых осьмнадцати лет», но и вообще подростков, годных в ближайшие годы к поверстанию в ясачный оклад. Также требовалось указать, каким родом зверя вносится ясак и в какую цену оценивается принимаемая пушнина, кому следует сбавить, а кому «набавить» платеж.

Интересно, что московские чиновники просили губернскую и провинциальные канцелярии переписные ведомости прислать «со мнениями» (19), на основе которых, по-видимому, и должны были быть составлены предложения Сибирского приказа для представления в Сенат.

Любопытное предложение поступило из Иркутской канцелярии от переводчика Алексея Чемесова об исключении из ясачного оклада зайсанов и шуленг, «яко главных над ясачными командиров» (20). Это предложение не останется незамеченным комиссией Ивана Данилова, оно будет включено в составлявшийся ею проект положения о сборе ясака (21).

Осуществление переписи «всех верноподданных иноверцов и новокрещенов, даже до сушаго младенца», которая проводилась по всем уездам Сибири, затянулось на несколько лет. Сибирский приказ своими указами неоднократно предписывал окончить ее «в немедленном времени» под страхом штрафов и наказания. Переписные ведомости в большей части западносибирских уездов были составлены и представлены в течение 1747—1750 гг. Сургутские ведомости были получены в Сибирском приказе только в январе 1753 г. В этом же году поступили ведомости из Красноярска, Кузнецка и Енисейска. В Восточной Сибири ситуация была сложнее. Не отрапортовали Якутское, Охотское и Камчатское ведомства. Камчадалы, коряки и тунгусы не были охвачены переписью в силу того, что многие из них «состоят в измене и бунте» (22).

Проведя анализ представленных материалов, чиновники Сибирского приказа выявили в них массу недочетов, которые сводились к следующему:

- не всегда был указан возраст ясакоплательщиков, в том числе выключенных из платежа и вновь приверстанных,
- не всегда плательщики указывались поименно и порознь. Это, кстати, может рассматриваться как свидетельство распространенной еще до 1763 г. практики «породового» обложения,
- не всегда указывался размер недоимки и за кем она числилась,
- не пояснялось, в силу каких причин ясачные оказывались не в равном окладе,

— в некоторых случаях не приводились данные старой переписи (как правило, брались за сравнение окладные книги 1732 г.) о плательщиках и размерах платежа,

— не всегда указывалось, сколько против прежней переписи прибыло и убыло,

— не приводились данные о новокрещенных «кто в котором году крещен и на сколько и когда льготы дано».

Перепись 1746—1753 гг. не удовлетворила своими результатами Сибирский приказ. Тем не менее, она сыграла важную роль в процессе совершенствования ясачной системы, обнаружив наиболее существенные недостатки последней и дав толчок дальнейшим правительственным мероприятиям в соответствующей сфере. Первая общесибирская ясачная перепись не свелась к текущему учету и ротации ясачных душ, что до того практиковалось сибирской администрацией. Прослеживаются попытки найти решения застарелых проблем, таких, например, как неуравнительное распределение окладов, учет состояния угодий, на которых промышляли пушных зверей. В связи с этими обстоятельствами 29 марта 1753 г. императрицей Елизаветой «в присутствии в Правительствующем Сенате» был утвержден указ о необходимости сбора сведений о состоянии ясачных угодий и лесов в Сибири (23). Сибирскому приказу было отдано распоряжение о сборе этих сведений. Не получив удовлетворительных результатов с мест, а также от работавшей по свежим следам переписи 1746—1753 гг. комиссии Данилова, Приказ отписался в Сенат, что к «лучшему ясачных плательщиков удовольствию» и для «свидетельства же всех тех ясачных в ясаке» в Сибирской губернии полагает он целесообразным направить «надежную персону, с принадлежащим числом из отставных достойных людей штаб и обер-офицеров».

В январе 1761 г. был издан указ Сената «об учинении новой переписи ясачным народам в Сибирской губернии» (24). Формулировка указа говорит о том, что сама по себе перепись как таковая не являлась новацией. Новым было то, что для ее осуществления теперь полагалось формировать в центре особый штат переписчиков и направлять их в Сибирь, тогда как ранее таковые назначались из местных чиновников.

Отметим, что указ начинался с констатации того факта, что «с таких мест, где какой в лесах зверь был, а после того в тех местах лес вывелся, а ясак тот же берут, а где тогда лесу не было, а после вырос, тут ясак не берут, и от того одни перед другими в ясаке тягость несут». Этим самым формулировался один из принципов ясачного обложения, определенный еще в 1753 г. Указ этот не был реализован. Что этому помешало? Может быть, болезнь и кончина в конце 1761 г. императрицы Елизаветы. Только в феврале 1763 г., уже при Екатерине II, будет сформирована знаменитая комиссия Щербачева, которая и осуществит новую перепись ясачных душ в Сибири, вошедшую в историю как 1-я ясачная реформа.

Интересно, что указ, в соответствии с которым эта комиссия была образована, не содержал отсылки на указ 1761 г. и ставил задачу пресечения беспорядков в ясачном сборе, происходящих по вине сборщиков ясака (25). Тем не менее, преемственность между решением правительства о новой переписи ясачных,

принятым в 1761 г., и именным указом Екатерины II от 6 февраля 1763 г. прослеживается.

Те новации, которые обычно относят к собственно ясачной реформе, осуществлявшейся одновременно с переписью в 1763—1769 гг., содержатся в Инструкции от 4 сентября 1763 г. (26), в соответствии с которой действовала комиссия Щербачева. Согласно этой Инструкции была осуществлена унификация форм и норм ясачного обложения, отменены институты ясачных сборщиков и аманатства-заложничества. Функции по сбору ясака передавались в руки «князцов» и старшин — глав ясачных волостей и родов.

Таким образом, можно констатировать, что:

— процесс модернизации системы ясачного обложения и учета «ясачных душ» в Сибири был в XVIII в. напрямую связан с постепенным распространением на ясакоплательщиков методов и приемов их регистрации в виде переписей, носивших первоначально локальный, а затем приобретающих общерегиональный характер;

— организованная Сибирским приказом в 1746—1753 гг. первая общесибирского масштаба ясачная перепись, хотя и не вылилась в кардинальное реформирование сложившейся системы, но ускорила процесс выработки и принятия принципиальных решений, изменивших порядок ясачного сбора и обложения в Сибири уже во второй половине XVIII в.;

— перепись 1763—1769 гг. подвела итог весьма длительной работы в данном направлении, она носила новаторский характер, реформируя систему ясачного обложения, но являлась отнюдь не первой попыткой такого рода.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Дамешек Л.М. Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти (XVIII — нач. XX в.) (Серия «Азиатская Россия»). — Иркутск, 2007. — С. 193.
- (2) Федоров М.М. История правового положения народов Восточной Сибири в составе России. — Иркутск, 1991. — С. 50.
- (3) Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в. — Новосибирск, 1975. — С. 243.
- (4) Там же. — С. 241—242.
- (5) Федоров М.М. О первых проектах закона о правовом положении народностей Сибири // Сборник научных трудов Якутского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». — Якутск, 1994. — С. 55.
- (6) Подробнее об этом см.: Дамешек Л.М. Ясачная политика царизма в Сибири в XIX — начале XX века. — Иркутск, 1983. — С. 7; Федоров М.М. История правового положения... — С. 18—39; Конев А.Ю. Шертоприводные записи и присяги сибирских «иноземцев» конца XVI—XVIII вв. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — Тюмень, 2005. — № 6. — С. 172—177.
- (7) Бахрушин С.В. Ясак в Сибири // Бахрушин С.В. Научные труды. — М., 1955. — Ч. 2. — Т. III. — С. 49—85; Копылов А.Н. К вопросу о принципе ясачного обложения и порядке сбора ясака в Сибири // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. Серия общественных наук. — Новосибирск, 1969. — № 1. — Вып. 1. — С. 59—67; Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь... — С. 230—232.
- (8) Дамешек Л.М. Ясачная политика царизма... — С. 25.
- (9) Миронов Б.Н. Социальная история России. — СПб., 1999. — Т. 2. — С. 127.

- (10) *Копылов А.Н.* К вопросу о принципе... — С. 61.
- (11) Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (далее — ПСЗ-I). — Т. VII. — № 4533.
- (12) *Миненко Н.А.* Судьба православия на Обском Севере (XVIII — начало XX века) // Очерки истории Югры. — Екатеринбург, 2000. — С. 228.
- (13) ПСЗ-I. — Т. VII. — № 4860.
- (14) *Копылов А.Н.* К вопросу о принципе... — С. 66—67.
- (15) *Миненко Н.А.* Северо-Западная Сибирь... — С. 231—232.
- (16) РГАДА. — Ф. 214. — Оп. 1. — Ч. 8. — Д. 6942. — Л. 91.
- (17) Там же. — Л. 92.
- (18) Там же. — Л. 95 об.
- (19) Там же. — Л. 101 об.
- (20) Там же. — Л. 198—198 об.
- (21) *Миненко Н.А.* Северо-Западная Сибирь... — С. 241.
- (22) РГАДА. — Ф. 214. — Оп. 1. — Ч. 8. — Д. 6942. — Л. 191—191 об.
- (23) Там же. — Л. 101 об., 103 об.
- (24) ПСЗ-I. — Т. XV. — № 11191.
- (25) ПСЗ-I. — Т. XVI. — № 11749.
- (26) Текст Инструкции помещен в кн: *Булычев И.* Путешествие по Восточной Сибири. — СПб., 1856. — Ч. 1. — С. 251—268.

SIBERIAN YASAK POPULATION CENSUS THE FIRST HALF 19TH CENTURY (new materials)

A.Y. Konev

Branch «Tobolsk industrial institute»
of the «Tyumen state oil-gas university»
kollage zone № 5, Tobolsk, Russia, 626158

In the article forms and registration methods of yasak-payers from among Siberia indigenous peoples are investigated, the moments of principal changes in state render policy are observed caused by process of going deep integration of Siberian «foreigners» in social and economic system of the Russian empire. For the first time, on the basis of the archival materials analysis, the events connected with attempt of carrying out of large-scale yasak population census undertaken in 1746—1753 are reconstructed. The Author comes to a conclusion this very action promoted development of basic ideas by which Catherine II government subsequently was guided at carrying out of the first yasak reforms of 1763—1769.

Key words: Siberia indigenous peoples, annexation, yasak, state render policy, population census.